

ЧЕТВЕРТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКЕ, ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

Советские скандинависты регулярно собираются на научные конференции для обсуждения докладов по общественно-историческим проблемам. Первая из таких конференций, организованная по инициативе Ларгуского государственного университета в Тарту в мае 1963 г.¹, собрала 80 делегатов, причем 54 из них выступили с докладами.

Вторая и третья конференции, в каждой из которых участвовало по 150 делегатов и было прочитано по 90 докладов, были организованы Институтом истории АН СССР совместно с Ленинградским, Московским и Ларгуским университетами².

В организации IV Всесоюзной конференции по скандинавистике, состоявшейся с 28 мая по 1 июня 1968 г. в Петрозаводске, принял участие также ряд других учреждений — Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, Петрозаводский университет и Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР. В конференции приняло участие до 200 делегатов, из них 110 выступило с докладами.

Очень отродни при этом отметить, что постепенно расширяются и усиливаются позиции этнографии в советской скандинавистике. Так, среди пяти секции последней конференции самой многочисленной и насыщенной докладами была секция истории, археологии и этнографии. Из 35 докладов этой секции более 20 было прочитано на темы, представляющие интерес для этнографов, занимающихся проблемами этногенеза, этнической истории, социальной психологии, связей между народами Восточной и Северной Европы. Именно этой группы докладов мы и коснемся здесь.

Прежде всего нужно сказать, что в докладах, заслушанных на секции истории, археологии и этнографии, много внимания было уделено варяжско-норманнской проблеме. На пленарное заседание был вынесен доклад доктора исторических наук В. И. Машута о «русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы». Рассматривая древнюю Русь, как выросшее из объединения земель-княжений этнически неоднородное государство, докладчик показал, что на Руси скандинавские наемники встречали решительный отпор, когда они пытались действовать вразрез с ее политическими интересами. Русские князья активно противоборствовали завоевательным устремлениям норманнов в Европе, но в то же время они укрепили и расширили экономические и дипломатические отношения со странами Северной Европы, особенно после падения созданных грозными викингами скандинаво-английских союзов.

Старую, но по-прежнему актуальную проблему поднял М. А. Алпатов (Москва) в докладе «Что такое «варяжский вопрос» в историографии XVIII в.». Интересно истолковав историографические позиции различных ученых в России, докладчик отметил, что если сторонник бирюзовщины Байер создал антирусскую теорию, то уже у Миллера норманизм теряет антирусский характер; у Шлецера же он вообще приобретает не националистический, а социальный смысл. М. А. Алпатов приходит к выводу, что в научном отношении академики-немцы сыграли прогрессивную роль, так как они покончили с легендарным периодом в русской историографии, и содействовали тем самым становлению русского источниковедения. Но подлинными основателями русской исторической науки были Татищев и Ломоносов. «Ломоносов и его последователи», — говорил докладчик, — были правы, ополчившись против теории привнесения русской государственности извне, но ошибались, отстаивая мирный характер варяжских вторжений и отрицая скандинавское происхождение варягов»³.

Исключительное внимание привлек доклад О. И. Давидан (Ленинград) на тему «К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища), в котором был приведен не опубликованный до сих пор полевой материал большой ценности. Известно, что вопрос о связях древней Ладоги со Скандинавией исследован в настоящее время еще недостаточно, хотя эти связи прослеживаются по находкам вещей скандинавского происхождения. До недавнего времени господствовало мнение, что подобные вещи появляются в Ладоге с X в. и отсутствуют в более раннее время. Перечисленные же О. И. Давидан вещи, найденные в нижнем слое городища (горизонт Е₃), указывают на то, что Ладога с момента своего возникновения, т. е. не позднее, чем с VIII в. н. э., была включена в сферу международной балтийской торговли, где в VII—VIII вв. главенствующую роль играли фризцы,

¹ Отчет о ней см.: М. Н. Морозова. Научная конференция по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии, «Сов. этнография», 1964, № 2.

² Г. И. Анохин. Вторая и третья советские научные конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 157—159.

³ «Тезисы докладов Четвертой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии», ч. 1, Петрозаводск, 1968, стр. 120.

а затем — скандинавы. Можно предполагать, что вместе с торговцами в Ладогу прибывали и ремесленники, оседавшие на длительное время. Контакты со Скандинавией не исключают других направлений торговых и культурных связей Ладоги в период до X в., но выявление этих связей должно стать предметом дальнейших исследований.

М. Б. Свердлов (Ленинград) посвятил свой доклад русско-датским связям в XI в. Г. И. Анохин (Москва) в докладе «Вклад Е. А. Рыдзевской в советскую скандинавистику» поднял вопрос о научном наследии одного из первых советских скандинавистов и о необходимости издания ее основных трудов. Докладчик говорил о вкладе Рыдзевской в исследование варяжской проблемы и, кроме того, об ее исследованиях в области этнической ономастики и проблем этнографии скандинавских народов.

Группа докладов была посвящена древнейшим этнографическим и культурно-хозяйственным процессам в Скандинавии и в Восточной Европе. Это — доклады Г. А. Панкрушева (Петрозаводск) «Некоторые аспекты вопроса о древнейших этногенетических процессах в Карелии и Финляндии», Э. А. Симоновича (Москва) «Культура полей погребения и готская проблема в первой половине I тысячелетия н. э.», М. А. Тихановой (Ленинград) «К вопросу о связях Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н. э.».

На объединенном заседании трех секций (истории, археологии и этнографии; литературоведения; языка) было заслушано несколько докладов на социально-психологические темы. Первый доклад был сделан А. Я. Гуревичем (Москва) на тему: «Пространственно-временные представления средневекового скандинава». В докладе «К поэтике заголовка в древнеисландской литературе» М. И. Стеблин-Каменский (Ленинград) показал, что заголовки, в частности, восходящие к древнеисландской традиции, позволяют сделать некоторые заключения о том, как представляли себе современники жанровую принадлежность данного произведения, его содержание и т. д., а тем самым и специфику данного жанра и литературы вообще. Большой интерес вызвал блестящий как по содержанию, так и по форме доклад Е. М. Мелетинского (Москва) «Народно-поэтические элементы стиля „Старшей Эдды“».

Большой фактический материал, почерпнутый из архивов, был положен в основу докладов группы эстонских этнографов: А. А. Лутса «Народные формы торговли эстонцев с финнами в XIX — начале XX в.», В. А. Калитс «Торговые связи населения о. Кихну (Эстонская ССР) с прибалтийскими странами в XIX и в первые десятилетия XX в.», Э. Э. Эпика «Финские поселенцы в сельской местности северо-восточной Эстонии по материалам земельных ревизий 30—70-х годов XVIII в.». Большой сравнительно-этнографический материал был использован в докладе латышского этнографа А. К. Крастыня «О некоторых общих чертах в латышском и скандинавском народном жилище». Привлек внимание доклад М. Н. Морозовой (Москва) на тему «Вклад трудов С. Эриксона в шведскую этнографию».

Внимание этнографов привлек интересный доклад Е. А. Савельевой (Ленинград) «Россия на карте 1539 г. Олауса Магнуса» — о карте, изобилующей этнографическими деталями. Доклад М. А. Когана (Ленинград) «Иельская карта. За и против» представлял интерес для скандинавистов, потому что исследуемая карта содержит не только первые довольно точные очертания острова Гренландия, но и текст, сообщающий об открытии норманами Винланда (Америки). Однако докладчик построил свой доклад крайне тенденциозно, показав лишь доводы против достоверности Иельской карты, но так и не коснувшись вынесенного в подзаголовок «за».

Привлекли внимание этнографов также доклады З. А. Куранчевой (Москва) «Положение женщин в современной Швеции» и В. П. Беркова (Ленинград) «Система народного образования в Норвегии».

Проведение V конференции советских скандинавистов намечено на июнь 1969 г. в г. Тарту.

Г. И. Анохин